

Михаил Ковалев

**«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ
МЫ РАСТЕМ
И В СВОИХ, И В
ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»**

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ (1921–1930)¹**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

The article covers the phenomenon of scientific congresses organized by Russian émigré scientists during the 1921–1930 years. These congresses combined Russian academic community abroad, coordinated scholars's activities, regulated system of education and scientific manpower training. In total, five congresses were organized. Prague, Belgrade and Sofia were places where these congresses took place. A.A.Kizewetter, A.S.Lomshakov, N.O.Lossky, M.M.Novikov, P.B.Struve and others were members of congresses. Congresses have played a huge role in the development of scientific communication between emigrants.

Ключевые слова: Зарубежная Россия; научные Съезды; русские академические группы; история науки; Прага; Белград; София.

Key words: Russia Abroad, scientific congresses, Russian academic groups, the history of science, Prague, Belgrade, Sofia.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01251a2.

Российская научная эмиграция 1920 – 1930-х годов представляет собой безграничный объект для изучения. Несмотря на значительный интерес исследователей, мы легко увидим в ее истории немало белых пятен и слабоизученных тем. К их числу вполне можно отнести вопрос о научных коммуникациях в эмигрантской среде и о роли научных Съездов в этом процессе. Революция, гражданская война и изгнание лишили многих русских ученых возможности вести плодотворную научную работу, оторвали их от библиотек, лабораторий, архивов, коллекций, от привычной профессиональной среды (университетской кафедры, коллег и студентов), лишили возможности печатать свои труды. Изгнание изменило социальный статус ученого и его профессиональное положение. Русский исследователь за границей оказался в роли хранителя коллективной памяти, традиционной научной этики и культуры, остро ощущавшего свое призвание и особую миссию. При этом его материальное положение резко ухудшилось. Вынужденная эмиграция и жизнь на чужбине требовала от русских созидательной совместной работы по сохранению и приумножению исследовательских традиций.

Первичной формой организации научной деятельности эмигрантов стало создание в разных странах мира русских академических групп, которым предстояло решить проблемы образования русской молодежи за рубежом и способствовать исследовательской работе². Первые группы были созданы в Великобритании, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а впоследствии возникли в Германии, США, Швеции, Бельгии и других странах. Возникновение таких обществ было связано с дореволюционной традицией организации и самоорганизации науки и интеллектуальной жизни вообще. Координация работы этих объединений требовала активной коммуникативной деятельности, выражавшейся, в частности, в проведении общеэмигрантских научных Съездов.

² О деятельности отдельных русских академических групп за рубежом см.: Ульянкина Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) // Институт истории естествознания и техники РАН. Годичная научная конференция 1998. М., 1999. С.242–247; Ее же. Русская академическая группа в США // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып.1. С.47–54; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005. С.59–74; Ефременко В.В. Русская академическая группа во Франции: процесс формирования и основные направления деятельности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2006. №2. С.121–125; и др.

**У ИСТОКОВ
ЭМИГРАНТСКИХ
АКАДЕМИЧЕСКИХ
СЪЕЗДОВ**

В начале 1921 г. представители академических групп в Великобритании, Франции и Германии по итогам личных встреч и консультаций приняли решение созвать делегатов от аналогичных эмигрантских организаций и образовать Комиссию для обсуждения проблем русской научной жизни за рубежом. К числу наиболее значимых вопросов было отнесено согласование основных положений уставов всех групп, координация усилий по материальной поддержке русских ученых и поиску работы для них, представительство эмигрантской науки в международных академических организациях, публикация трудов русских ученых и налаживание издательского дела³. Вскоре стало понятно, что для практического решения поставленных задач требуется созыв Съезда с широким представительством существовавших академических групп, которые в тот момент возникали в разных частях света.

В начале июня 1921 года на совещании в Париже представители Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, парижской и лондонской академических групп выработали предложения по проведению Съезда в августе–сентябре текущего года. Был образован специальный комитет в составе следующих профессоров: экономиста А.Н.Анцыферова, юриста Ю.В.Ключникова и антрополога Н.М.Могилянского. Они обязывались регулярно отчитываться о своей работе перед Бюро или Общим собранием Русской академической группы в Париже, взявшей на себя все главные организационные функции. Большую трудность представлял поиск финансов. От идеи создания специального фонда пришлось отказаться ввиду тяжелого материального положения эмиграции и невозможности широких пожертвований с ее стороны. Поэтому было решено искать спонсорскую поддержку на стороне, а в случае отсутствия оной предполагалось покрыть минимальные издержки за счет аванса из средств парижской академической группы. Товарищ председателя этой группы профессор Жюль Патуйе, бывший директор Французского института в Санкт-Петербурге, сумел получить от Министерства иностранных дел республики 2 000 франков на проведение

³ Съезды русских академических организаций за границей. 1-й Съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й Съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923. С.4.

научного Съезда⁴. Организационная активность русских парижан наглядно свидетельствовала об их лидирующем на тот момент положении в интеллектуальной среде Зарубежной России, о притязаниях Парижа как неформальной эмигрантской столицы. Но уже тогда начала вырисовываться перспектива постепенного смещения центра русской научной жизни за границу в другое место⁵. Это стало очевидно при выборе места проведения будущего Съезда.

Париж изначально был отвергнут ввиду дороговизны проезда и проживания, тем более, что транспортные расходы делегатов предполагалось возложить на русские академические организации, и без того небогатые. Отпали кандидатуры Висбадена и Вены. Вместе с тем было высказано мнение о разумности проведения Съезда в одной из славянских стран. В итоге выбор между Белградом, Загребом и Прагой решился в пользу последней. Вероятно, помог и случай. В июне 1921 года в Париж с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Чехословакии доктор Эдвард Бенеш, и организационный комитет Съезда обратился к нему за поддержкой. Во время аудиенции политик заверил русских в своем расположении и подчеркнул, что «он не только в качестве лица, облеченного властью, но и как лицо, принадлежащее к академической среде, приветствует идею Съезда и считает его осуществление важным элементом для духовного сближения обоих славянских народов и их культур»⁶.

Э.Бенеш

⁴ Там же. С.6.

⁵ О споре эмигрантских «столицы» и «провинции» и о месте Праги и Парижа на ментальной карте Зарубежной России см.: Ковалев М.В. Столица или провинция: образы Праги в сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // *Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd*. Č.25. Brno, 2011. S.70–83; Его же. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С.59–74.

⁶ Съезды русских академических организаций за границей. С.6.

Отметим, что в это самое время чехословацкое правительство начало знаменитую «Русскую акцию», в числе разработчиков которой был и Э.Бенеш⁷. Согласно ей, Чехословакия брала под опеку эмигрантских детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых⁸. Основная поддержка по линии программы оказывалась не политическим, а научным и культурным деятелям. Такой подход предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд». Чехословацкий президент Томаш Масарик⁹ искренне верил, что сохранение интеллектуального потенциала эмиграции сможет в будущем помочь подлинному приобщению России к европейским ценностям. По его мнению, в задачу властей республики входило «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» русской эмиграции¹⁰. Т.Масарик критически относился к современной России, но высоко ценил ее культурный потенциал. В России он был склонен видеть «гаранта независимого существования Чехословакии»¹¹. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что идея проведения в Праге общеэмигрантского научного Съезда полностью вписывалась в политическую стратегию чехословацкого правительства и саму масариковскую идеологию¹².

⁷ О «Русской акции» см. подробнее: Бубеникова М. Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3)*. Praha, 1995. S.14–19; Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л.Бабка, И.Золотарев. Прага, 2012; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге... С.37–59; Sládek Z. *Ruská emigrace v Československu* // *Slovanský přehled*. 1993. №1. S.1–13; Idem. *O ruské pomocné akci tentokrát polemicky* // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945....* S.20–25; Idem. *České prostředí a ruská emigrace* // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999. S.7–46; и др.

⁸ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // *Советское славяноведение*. 1991. №6. С.25.

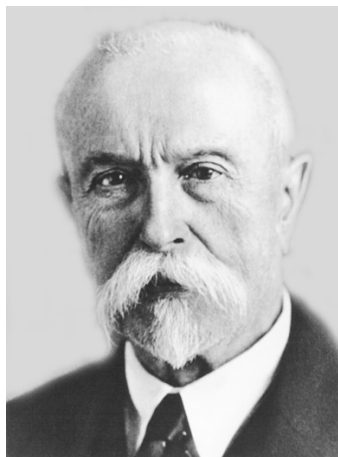
⁹ Сам Т.Масарик не понаслышке был знаком с научной работой. Он был известным философом и социологом, читал лекции в Праге, Кэмбридже, Чикаго и др.

¹⁰ Цит. по: Sládek Z. *Ruská emigrace v Československu*. S.3.

¹¹ Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. С.49.

¹² См. в подтверждение поздравительную телеграмму Э.Бенеша Первому Съезду русских академических организаций за границей (*Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*. Praha, 1998. S.46).

Получив согласие Э.Бенеша, представители академических групп в Англии, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев образовали комиссию (июнь 1921 г.) по созыву Первого Съезда русских академических организаций за границей. Местом его проведения окончательно была определена чехословацкая столица. И хотя само пражское сообщество русских ученых в начале 1920-х годов было еще немногочисленным, его представители живо откликнулись на инициативу коллег, как, например профессора А.С.Ломшаков (теплотехник) и Н.В.Ястребов (славист)¹³. Бюро Русской академической группы в Париже, по сути, делегировало

Т.Г.Масарик

им основные организационные полномочия. В начале сентября 1921 года в Прагу для участия в подготовке Съезда отправился профессор А.Н.Анцыферов. Вместе с А.С.Ломшаковым и Н.В.Ястребовым он создал новый оргкомитет, начавший работу 13 сентября. Впоследствии в него также вошли и другие видные русские ученые¹⁴. В знак уважения и признательности, в почетные члены оргкомитета были также включены известные чешские научные деятели.

Оргкомитет выработал принципы работы будущего Съезда, в частности, определил квоты на участие – по одному делегату на каждые десять членов академической группы. 15 сентября во все русские академические группы были разосланы через чехословацкие посольства циркулярные письма, а также телеграфные сообщения. По ходатайству эмигрантов власти республики согласились выделить на проведение Съезда 75 000 крон и выдать бесплатные визы делегатам. Железные дороги дали им 50% скидку на проезд. Карлов университет безвозмездно предоставил аудитории для секционных заседаний. Русских участни-

¹³ *Отчет о первом Съезде Академических организаций в Праге (10–17 октября 1921 года) и заметка о деятельности Правления Съезда (по 1 июня 1922 года) // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 325.*

¹⁴ *Перебравшийся из Белграда в Прагу правовед Е.В.Спекторский, славист В.А.Францев, инженер В.Д.Варенов и металлург А.И.Глазунов.*

ков должны были расселить в общежитии «Худобинец». Славянская сельскохозяйственная палата дала помещение для заседаний оргкомитета, печатные машинки и направила в качестве помощника свою сотрудницу, владевшую русским языком¹⁵.

Съезд проходил под патронажем Карлова университета в Праге, при личном покровительстве ректора профессора-зоолога Б.Немеца, имевшего давние тесные связи с русским научным миром. Очевидно, что он использовал свой авторитет в чехословацких политических и общественных кругах, в частности, знакомство с главой Праги доктором Карелом Баксой. 3 октября 1921 года вопрос о помощи в организации Съезда был вынесен на заседание Академического сената университета, куда были приглашены представители городских властей¹⁶. От имени ректора 4 октября 1921 г. было подготовлено письмо к Городскому совету Праги с призывом поддержать работу грядущего конгресса. В нем говорилось, что Съезд этот имеет «огромное значение как для углубления научной деятельности русских ученых, так и, прежде всего, для дальнейшего развития славянской культурной взаимности и для укрепления связей между русским и чехословацким научным миром»¹⁷.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Открытие Съезда состоялось 10 октября 1921 года в Общественном доме¹⁸ в самом центре Праги. О внимании чехословацких властей к нему можно судить хотя бы по официаль-

ным гостям – заместителю министра иностранных дел Вацлаву Гирсе, начальнику Русского отдела МИД Йозефу Благошу, ректору Чешского высшего технического училища Эмилю Воточеку, ректору Карлова университета Богумилу Немецу. Последнему было поручено открыть Съезд и произнести приветственную речь на русском и чешском языках. В ней знаменитый ботаник с радостью говорил об исполнении давней мечты чешских патриотов – о превращении Праги во всеславянский центр.

¹⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.7.

¹⁶ *Pozvání, dne 1. října 1921 // Archiv hlavního města Prahy (далее – АНМР). F. Magistrát hlavního města Prahy I (далее – F. Magistrát). Sign.15/94. Inv.č. 2285.*

¹⁷ *Presidu Rady hlavního města Prahy, dne 4. října 1921 // АНМР. F. Magistrát. Sign.15/94. Inv.č. 2285.*

¹⁸ Дом, построенный в 1905–1912 гг., служил местом проведения официальных мероприятий, концертов.

В.Гирса зачитал приветствие Э.Бенеша, отсылавшее слушателей к традициям чешского русофильства: «Наше родство по крови и языку давало нам издавна возможность следить за развитием русской науки, нашими выдающимися деятелями она всегда была надлежащим образом оцениваема и была источником, из которого черпала и наша наука. Сегодняшний Ваш Съезд имеет для нас значение, как усиление наших взаимных культурных и научных связей к общему успеху. Для нас всех ясно, что будущее русского народа покоится в руках русской молодежи <...> Когда мы ставили себе вопрос, каким образом мы могли бы наилучше помочь русской эмиграции, то только что выска-

Б.Немец

занные мысли именно и привели нас к решению призвать в наши высшие и средние учебные заведения насколько возможно большее количество русской молодежи, чтобы дать ей возможность продолжить свое учение <...> Если, таким образом, Прага становится центром русской учащейся молодежи, то вполне естественно и желательно, чтобы она стала также центром русских ученых...»¹⁹. Таким образом, в речи были обозначены контуры идеологии «Русской акции», направленной на поддержку эмигрантов. Сама же Прага заявила о себе как об интеллектуальной столице Зарубежной России, потеснив с этого места Париж²⁰.

Действительно, русские ученые встретили необычайно теплый прием со стороны чехов. Участники Съезда вспоминали, что при входе в трамвай каждый чех старался дать совет, как проехать в том или ином направлении. Карлов университет устроил в честь русских гостей торжественный обед в Общественном доме. Большой прием организовало общество «Мещанская беседа», на котором присутствовал знаменитый чешский политик и русофил Карел Крамарж. Магистрат Праги организовал несколько экскурсий по городу с посещением музеев. Министерство народного просвещения отвезло делегатов Съезда в замок Карл-

¹⁹ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S.46.*

²⁰ *См.: Съезды русских академических организаций за границей. С.14–15.*

штейн. Когда они ходили по залам, то перед ними «невольно вставали образы средневековья, рыцари, турниры, и проносилась история Европы, полная больших, красивых событий, с превратностью государств, народов, и думалось, что и русская современная трагедия – один лишь из моментов в жизни великого народа, и что Россия воспрянет из нее с новой силой к светлому будущему»²¹.

Среди делегатов Съезда были представители многих академических групп²². Поскольку в Чехословакии к осени 1921 г. академическая группа еще не оформилась, русские ученые из этой страны принимали участие в Съезде «в личном качестве»²³. Не смогли прислать своих представителей академические группы в США, Финляндии, Швейцарии, Швеции и вторая академическая группа в Болгарии²⁴.

Работа Съезда была организована в форме собраний Президиума, общих собраний и заседаний следующих Комиссий:

- по организационным вопросам (под председательством А.И.Каминки),
- по вопросам о положении русской науки и русских ученых за границей (П.Б.Струве),
- по вопросам о положении науки и ученых в России (С.И.Метальников),
- по вопросу о положении русской учащейся молодежи за границей (Ал.Д.Билимович),
- по проверке полномочий делегатов Съезда (Е.В.Спекторский)²⁵.

²¹ Там же. С.95–96.

²² В том числе: Великобритании (В.И.Исаев, В.Г.Коренчевский), Болгарии (Н.С.Трубецкой), Германии (А.И.Каминка, П.И.Новгородцев, А.С.Яценко, который, в итоге, не приехал), Латвии (Д.Н.Вергун), Польши (А.Л.Бем), Турции (А.И.Глазунов, но не смогли приехать из-за железнодорожной забастовки Н.Н.Алексеев, С.К.Гогель, А.А.Копылов), Франции (П.П.Гронский, Ю.В.Ключников, С.И.Метальников, Н.М.Могилянский, А.Н.Анциферов, Е.В.Аничков, П.Б.Струве), Королевства сербов, хорватов и словенцев (Ал.Д. и Ант.Д. Билимовичи, А.П.Доброклонский, Т.В.Локоть, В.Н.Сиротинин, Е.В.Спекторский, В.В.Фармаковский, М.Н.Ясинский) и Эстонии (А.Я.Поппен).

²³ А.С.Ломиаков, В.А.Францев, Н.В.Ястребов, А.Т.Васильев, А.А.Вилков, У.Д.Жиляев, Л.И.Кепинов, К.Г.Шиндлер, Ф.А.Щербина.

²⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С.8–9.

²⁵ Там же. С.10.

В ходе заседаний были заслушаны доклады о деятельности каждой из представленных организаций. Все докладчики говорили о необходимости издания научных работ ученых-эмигрантов и о поддержке молодых кадров, в том числе путем организации стажировок в крупных научных центрах. Все они делали акцент на необходимости развития русского учебного дела за рубежом и просветительской работы, проводниками которой, в частности, должны были стать Русские народные университеты.

Но полного идейного единства делегатам достичь все же не удалось. Так, острую полемику вызвал доклад Ю.В.Ключникова о помощи со стороны эмигрантов ученым в Советской России. Текст доклада, к сожалению, не сохранился или же его пока просто не удалось обнаружить в архивах. В отчете, изданном по итогам Съезда, говорилось, что доклад профессора основывался на неприемлемой для многих точке зрения, не давал нового материала и поэтому был возвращен автору. Никаких иных примечаний в отчете не содержится. Однако можно сделать некоторые догадки, исходя из личности самого профессора. Ю.В.Ключников, как известно, был не только видным юристом-международником, но и одним из идеологов сменовеховства; уже вскоре после Съезда он был приглашен по личному разрешению В.И.Ленина в качестве эксперта в советскую делегацию на Генуэзской конференции, а затем вообще вернулся в СССР. Примиренческий с советской властью тон, вероятно, окутывал пражскую речь ученого и одновременно раздражал его коллег. Словно в диссонанс ему прозвучало сообщение профессора Ф.А.Щербины, видного кубанского общественно-го деятеля и одного из основоположников российской бюджетной статистики, призвавшего западные державы бороться с большевиками. Он предлагал идейно влиять на зарубежное общественное мнение, особенно на интеллектуальные круги. Эта пропаганда должна была вестись на территории науки, путем издания брошюр, чтения лекций, публикации газетных статей. Ф.А.Щербина, как и многие его коллеги, верил в скорое падение большевизма, и поэтому его речь нашла живой отклик среди присутствовавших лиц²⁶.

Ф.А.Щербина

²⁶ Там же. С.56–57.

В день открытия Съезда его делегаты обратились с приветствием к исследователям, оставшимся в Советской России, желая тем самым подчеркнуть духовную связь с ними. В храме Святого Николая, служившем главным православным приходом для эмигрантов, была отслужена панихида по всем русским ученым, погибшим в годы революции и гражданской войны²⁷.

Съезд просил все академические группы организовать комитеты и общества помощи ученым в Советской России. Также было принято решение обратиться к Лиге наций и Американской администрации помощи (ARA)²⁸ с просьбой о предоставлении средств и кредитов для них; отправить в США делегацию во главе с А.С.Ломшаковым для пропаганды помощи русским интеллектуалам; организовать отправку в Советскую Россию журналов и книг, создав для этого сборные пункты (в частности, на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер). Делегаты также признали необходимым составить обращение к мировому сообществу с указанием потерь, понесенных российскими научными кругами за время большевистского правления. Участники Съезда с горечью сетовали, что «никогда и ни при каком режиме ни в другой какой-либо стране, ни в самой России люди умственного труда вообще и академические ученые в частности не были поставлены в такое материально тяжелое и морально невыносимое положение». В доказательство они привели список 26 убитых большевиками ученых и 83 исследователей, умерших от голода, болезней и тяжелых бытовых условий²⁹.

Атмосфера Съезда была наполнена не просто патриотическим, но мессианским пафосом, осознанием особой роли эмиграции в сохранении отечественного научного и культурного наследия. Согласно отчету, Съезд прошел «под чувством глубокой горечи от всей трагедии, которую переживает Россия, от гибели ее культурных ценностей, от тяжелых условий жизни представителей русской науки и русской студенческой молодежи и под чувством горячего желания сохранить разбросанные русские научные силы, создать новые в лице молодых ученых и студенческой молодежи для культурного восстановления своей дорогой

²⁷ *Отчет о первом Съезде академических организаций в Праге...* С.326.

²⁸ *American Relief Administration оказывала помощь голодающим и нуждающимся в Советской России.*

²⁹ *Съезды русских академических организаций за границей.* С.79–80, 84–91.

Родины России – ныне поруганной, обесчещенной фанатиками и недоброжелателями советского режима»³⁰.

Но какие практически шаги предлагалось сделать?

Профессор С.В.Маракуев, донской казак и видный деятель кооперативного движения, призвал создать в Праге Педагогический институт, который бы готовил кадры для России и способствовал развитию образования³¹. Он исходил из представления, что старая школа во многом истощила себя, что насущной потребностью является подготовка учителей, способных критически мыслить, понимать происходящие в мире социально-политические процессы. Маракуев понимал, что за рубежом невозможно массовая подготовка русских педагогов. Поэтому он предлагал сделать упор на обучение управленческого персонала для обновленной русской школы. Причем после падения большевиков, как полагал ученый, Педагогический институт нужно было бы сохранить в качестве места заграничных стажировок, тем более что он будет располагаться на родине великого педагога – Яна Амоса Коменского. Чехословакия расценивалась русскими эмигрантами как страна, где народное образование стоит на высочайшем уровне и где существует мощная педагогическая традиция. Идея создания института нашла поддержку в чехословацких кругах, в том числе в лице К.Крамаржа, который присутствовал на докладе Маракуева и участвовал в обмене мнениями. Во время заседаний было также заслушано сообщение о Высших педагогических курсах в Париже, предназначенных для лиц со средним образованием и рассчитанных на два года. Однако мысли русских педагогов и ученых были теперь устремлены не столько в Париж, сколько в Прагу.

Об образовании говорил и профессор А.С.Ломшаков, отмечая, что одной из главных задач для эмигрантского интеллектуального сообщества должна стать забота о завершении обучения русской молодежи на чужбине. Он приветствовал действия чехословацкого правительства, выделившего в 1921 году около 1 000 стипендий для русских студентов, воодушевившие эмигрантские круги. Но, по словам Ломшакова, выполнение этой программы было невозможно без минимального решения материальных вопросов и элементарного улучшения быта, а также без организации курсов коррекции знаний, практических занятий и подготовительных семинаров. Ломшаков призывал к международному реше-

³⁰ Там же. С.11.

³¹ Там же. С.57.

нию проблем русских студентов, апеллируя к успешному опыту Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Болгарии. Он приветствовал создание сети русских учебных заведений за рубежом, например, возлагал надежды на открытие в Софии Русского университета в составе филологического и юридического факультетов. При этом

А.С.Ломшаков

Ломшаков настаивал на выработке квот на обучение, исходя из профиля подготовки русского студента до революции и возможностей принимающей его страны. В качестве примера он приводил Болгарию, где отсутствовали технические высшие учебные заведения и русские студенты-инженеры были лишены возможности завершить свое образование³². В этих условиях на академические группы должна была лечь дополнительная работа по выявлению количества студентов, нуждающихся в помощи, их профиля подготовки и уровня имеющихся знаний. Таким образом, Ломшаков сформулировал одну из главных идей Съезда – необходимость объединения

усилий всех академических групп для помощи русским студентам. Для этого все они должны были сорганизоваться в Союз русских академических организаций за границей. Его создание и стало главным итогом всего конгресса.

Участниками Съезда был принят Устав Союза русских академических организаций за границей, впоследствии (1928) несколько дополненный. В нем провозглашались принципы организационного единства всех групп русских ученых, оказавшихся на чужбине. В качестве главных задач Союза признавались:

- координация деятельности всех эмигрантских академических организаций,
- установление контактов с иностранными учеными и научными институтами,
- выражение общих интересов русских ученых-эмигрантов перед лицом правительств и общественных организаций,
- помощь в организации исследований и печатании научных трудов, развитие русских учебных заведений,

³² Там же. С.67–69.

- помощь русским студентам и ученым, в том числе оставшимся в Советской России,
- материальная поддержка нуждающихся исследователей; и др.³³

За академическими группами сохранялась полная автономия. Им было дано право объединять на местах русских ученых и координировать их работу. Принципы организации и деятельности групп должны были определяться исходя из их состава и характера задач. Членами групп могли быть преподаватели высших школ, «выдержавшие магистерский или ему соответствующий экзамен, и лица, обладающие учеными степенями». Съезд признавал, что было бы целесообразно привлекать к такой деятельности и людей, не отвечающих этим критериям, но живо интересующихся наукой. Однако оговаривалось, что их участие в работе корпоративной научной организации возможно лишь без права решающего голоса в вопросах академического характера. Эти люди могли бы состоять в группах лишь на правах членов-сотрудников³⁴.

Главным координирующим органом Союза должен был стать Съезд академических организаций, который следовало проводить регулярно, чтобы обсуждать все текущие вопросы. В перерывах между Съездами управленческие функции осуществлял Совет Союза, Правление и специальные Комиссии, избираемые демократическим путем. Академические организации имели право присылать своих представителей на заседания Совета и Съезды Союза. Они были обязаны предоставлять доклады о своей работе, а помимо этого делать организационные взносы в общую кассу. Поскольку не все академические организации имели возможность регулярно посылать своих членов на заседания Совета, они могли подавать «свои мотивированные мнения по возбужденным вопросам» для последующего заслушивания и обсуждения³⁵.

³³ Устав Союза Русских академических организаций за границей (утвержден I-м Съездом, с изменениями, внесенными IV Съездом 20 сентября 1928 г.) // Národní archiv ČR (далее – NA). F. Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR. Kart.43. Inv.č. 271.

³⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С.73–74.

³⁵ Устав Союза Русских академических организаций за границей... – Академические организации направляли своих представителей на общие Съезды из расчета один делегат на каждые 10 членов. Организации, имевшие менее 10-ти, но более 3-х членов, пользовались правом посылки одного делегата (Там же).

Согласно принятому Уставу, Съезд избрал Правление Союза русских академических организаций за границей на ближайший год. Его председателем стал А.С.Ломшаков, товарищами председателя – В.А.Францев и А.А.Копылов, секретарем – В.Д.Варенов, казначеем – А.А.Вилков. И если начало Съезда было положено русскими парижанами, то теперь их заменили русские пражане, а сама Прага была названа местом постоянного пребывания Правления Союза русских академических организаций за границей³⁶.

Избрание А.С.Ломшакова главой Правления было вполне закономерным и заслуженным. Именно он в начале 1920-х годов выступил с инициативой превращения Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России³⁷. А.С.Ломшаков был крупным ученым, пользовавшимся большим авторитетом и доверием самого Т.Масарика. Это позволяло ему продвигать в жизнь самые смелые проекты. Еще до революции он прославился как выдающийся ученый-инженер, специалист в области разработки паровых котлов. На рубеже XIX–XX веков профессор создал прибор для автоматического питания колосниковой решетки и бездымного сжигания различных сортов топлива в топках паровых котлов и металлургических печей. Это новаторское изобретение сразу нашло широкое признание. Прибор был установлен на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, Луганска, Елизаветграда и с успехом представлен на Всемирной выставке в Париже (1900)³⁸. 1 сентября 1923 года А.С.Ломшаков был избран ординарным профессором факультета механической и электротехнической инженерии Чешского высшего технического училища³⁹. Ученый был чужд политиканства. Он никогда не переносил свои политические взгляды в сферу работы, поэтому требовал аполитичности и от студентов. Неудивительно, что он стал врагом в глазах эсеров. Ломшаков требовал «настойчивой, усидчивой работы,

³⁶ Письмо в МИД Чехословацкой республики от 31 октября 1921 г. // NA. F. Komitét pro imnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv.č. 82.

³⁷ См.: Речь профессора А.С.Ломшакова // Младорусь. Прага, 1922. Кн.1. С.93–98.

³⁸ Письмо А.С.Ломшакова Г.Ф.Денпу от 4 апреля 1900 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф.492. Он.2. Д.6819. Л.2–2 об.

³⁹ Rektor ČVUT prof. V.Kaisler – Vyslanectví Československé republiky v Berlíně, 11 list. 1938 // Archiv Českého vysokého učení technického. Osobní spisy přednášejících. A.S.Lomšakov; Петроник (Савицкий П.Н.) Воспоминания об А.С.Ломшакове // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т.XXXI. С.562–567.

ему претила разболтанность значительной части русской гуманитарной интеллигенции, а эсеров он воспринимал, как подавляющее большинство русской эмиграции, как квинтэссенцию этой разболтанности, неспособности к действию»⁴⁰.

Однако достичь организационного единства русских ученых на Съезде вряд ли было возможно. Наглядным свидетельством тому было существование в некоторых странах, например в Болгарии, сразу двух русских академических организаций. Кроме того, едва ли не в разгар Съезда стало известно о выделении из Общества ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев отдельной, самостоятельной ученой группы. Ситуация вызвала оживление на Съезде, причем большинство делегатов склонялось к мысли о необходимости сохранения научного единства: «Не вдаваясь в обсуждение причин создания второй, параллельной академической организации в Югославии, обратиться к обеим организациям от имени Съезда с предложением во имя интереса общего дела найти пути к объединению обеих организаций воедино»⁴¹. Но процесс размежевания было не остановить. В его основе лежали острые идейные конфликты и противоречия, уходящие своими корнями еще в дореволюционную среду. На эмигрантской почве, в условиях жесткой конкуренции, они лишь обострились. В.И.Цепилова показала, что причиной раскола стали трения между монархистами, составлявшими большинство членов Общества ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, и либералами: «Между этими двумя сторонами постоянно вспыхивали раздоры и столкновения, сводившиеся к тому, что правые обвиняли левых в "еврействе и масонстве", те же называли своих оппонентов "черной сотней и погромщиками"»⁴².

Пожалуй, одним из главных итогов Съезда стало утверждение Положений о присвоении ученых званий и степеней⁴³. Русским академическим группам было дано право «учреждать на основании Положений, одобренных Съездом и разрешенных Министерством народного про-

⁴⁰ Савицкий И.П. «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Т.XXXI. С.107.

⁴¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.75.

⁴² Цепилова В.И. Указ. соч. С.64.

⁴³ Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденное Советом Союза 26 апреля 1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Т.II. С.338–340.

свещения (Чехословакии. – М.К.), особые Комиссии для производства для русских подданных испытаний зрелости, государственных испытаний и экзаменов на ученые степени, а также для рассмотрения адъюнктских, магистерских и докторских диссертаций»⁴⁴. К магистерским испытаниям, которые проводились в Особых комиссиях при Русской академической группе, допускались выпускники русских и зарубежных университетов. В состав Комиссий следовало включать не менее пяти членов, из которых хотя бы четверо должны были обладать ученой степенью магистра или доктора, а пятый мог не иметь степени, если у него был опыт преподавания соответствующего предмета в русской высшей школе⁴⁵.

В целом, принципы сдачи магистерских экзаменов были традиционными и соответствовали дореволюционным аналогам. Диссертации могли представляться на русском и иностранных языках в напечатанном виде (лишь в исключительных случаях допускались рукописные варианты). Правда, против диссертаций на правах рукописи активно возражал литературовед и фольклорист профессор Е.В.Аничков, утверждавший, что тем самым будет нарушен принцип публичности защиты: «Когда диссертацией признается рукописное сочинение, одобренное двумя референтами, мне представляется, что мы зашли слишком далеко. Напечатанная работа подвергается обсуждению в печати; она читается или может быть прочтена. Этим самым защита диссертации получает характер публичности... <...> Я не представляю себе, чтобы можно было считать себя магистром или доктором лишь потому, что где-то лежит несколько экземпляров рукописи, которую нашла удовлетворительно написанной и разработавшей какой-либо научный вопрос кучка ученых, как бы ученые они ни были»⁴⁶.

Специальные ученые комиссии рассматривали диссертацию, одобряли и допускали к защите⁴⁷. Во все русские академические группы, где были соответствующие специалисты, рассылались ее экземпляры. Защиты

⁴⁴ Устав Союза Русских академических организаций за границей...

⁴⁵ Положение о производстве испытаний... С.76–77.

⁴⁶ Съезды русских академических организаций за границей. С.78.

⁴⁷ Профессор М.М.Новиков вспоминал, что «как к диссертации, так и к диспуту обыкновенно предъявлялись самые строгие, подчас даже придирчивые требования». Это делалось для того, чтобы избежать упреков в малоценности научных трудов эмигрантов (См.: Новиков М.М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С.246).

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

предполагалось приурочивать к Съездам русских академических групп за рубежом и проводить публично. Вопрос о присвоении степени решался голосованием. Постановление Комиссии о признании успешной защиты докладывалось собранию Съезда, которое получало право Совета университета утверждать ученую степень диссертанта⁴⁸. Однако на практике процедура защиты была упрощена, ибо к середине 1920-х годов стало понятно, что созывать ежегодные Съезды Союза русских академических организаций невозможно из-за материальных трудностей.

В целом, следует отметить огромное значение Первого Съезда русских академических организаций за границей в процессе институционализации эмигрантской науки. Сама его повестка наглядно очертила тот круг вопросов, с которыми пришлось столкнуться русским ученым на чужбине.

(Окончание следует)

⁴⁸ Положение о производстве испытаний ... С.339–340.